

*Сень Дмитрій
(Краснодар)*

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РОЛИ
ТУРЕЦКОГО АЗОВА В ИСТОРИИ КАЗАЧЬИХ
СООБЩЕСТВ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(КОНЕЦ XVII в.)**

В конце XVII в. в истории Северного Кавказа, как Западного, так и Восточного, наблюдается интересное явление – растет, активизируется приток славянского населения, преимущественно – казачьего, в массе своей – семейного и в значительной степени – старообрядческого по своему составу. Были среди них и казаки, менявшие свою религиозную идентичность, были и те, кто пытался жить, например, в Азове, в «раздвоенном» состоянии, исповедуя в быту практики обеих религий – мусульманства и православия. Любопытно и другое – уже на территории Крымского ханства (Кубань) стали конфликтовать казаки-старообрядцы и казаки-никониане, т. е. то казачество, которое ранее (материально и юридически прежде всего) принципиально было поддержано Гиреями и азовской администрацией. Можно полагать, что уже на рубеже XVII–XVIII вв. кубанское казачество стало играть существенную роль в активизации новых переходов донцов на Кавказ, набегах (теперь уже часто в союзе с ногайцами) на окраины Российского государства и общем повышении внимания Крыма, Османской империи и России к казачеству как важному игроку на пространстве Дикого Поля и сопредельных территорий.

Явления эти, несмотря на отдельные исследования¹, остаются недостаточно изученными в науке, несмотря на их важность в развитии предметного поля казаковедения, истории международных отношений, проблематики дискурса империй. Ранее автор публиковал отдельные результаты обращения к проблематике статьи² – в настоящее время представляется возможным дополнить содержание некоторых сюжетов новыми архивными свидетельствами, поставив их в типологическую связь с историей практик отношений донского казачества с турецким Азовом. В этой связи крайне важным предстает ответ на вопрос: можно ли считать поведение казаков конца XVII в. (актуализировавших в Азове свой переход с Дона, Кумы) экстремальным и аномальным, либо перед нами – устойчивая культурная практика пересечения фронтального пространства? Таков один из аспектов дискуссионного характера предлагаемой к рассмотрению проблематики. Другой аспект – определение общего и частного в тех практиках поддержки, которые оказывали казакам Кавказа Гиреи и турецкая администрация Азова. В настоящей работе полагаю сосредоточить внимание на поведении второй стороны; кроме того, в центре исследовательского фокуса – казачьи сообщества Кавказа (Западного и Восточного), сформировавшиеся, в основном, за счет донских казаков. В отдельных случаях автор обращается к более ранним случаям из истории отношений донцов с Азовом – в качестве сравнительного материала и дополнительной основы для моделирования дискуссии.

Слова, вынесенные в заголовок статьи, прозвучали в январе 1691 г. в Москве, куда прибыла «легкая станица» донских казаков во главе со станичным атаманом И. Аверкиевым. В числе прочих новостей донцы сообщали о намерении ногайцев и калмыков вместе с «богооступниками» кумскими казаками «приступить ко острову большим собранием вскоре»³. Особую тревогу Войска вызывало знакомство казаков-«воров» с обстановкой на Дону (учитывая происхождение последних), а также связи с Азовом. Подчеркну значение сюжета в связи с таким обстоятельством: казаки Кавказа, недавние выходцы с Дона (общины Кумы, Аграхани, Кубани) завязывают отношения не только с Крымом, феодальными владельцами Кавказа, но также с турецким Азовом. Это, вне всякого сомнения, лишь актуализирует необходимость системного подхода при изучении истории отношений казачьих сообществ Кавказа с мусульманскими государствами Причерноморья.

Представляется, что Азову принадлежала такая же важная роль в истории «донского фронта», донских казаков, как и Московскому государству, хотя специальные исследования на эту тему только появляются⁴; причем, оказывается, не все специалисты готовы работать в такой парадигме. Между тем, образы Азова сильно влияли на настроения донского казачества, его активность, служа одним из генеральных векторов его развития, по крайней мере, в XVII в. Стремление казаков обладать Азовом, «освоить» его жизненное пространство уверенно можно отнести к числу факторов, оказывавших конституирующее воздействие на жизнь казаков, формирование образа поведения, мышления. Интересное замечание в этой связи принадлежит М.А. Рыбловой (со ссылкой на мнение Ю.М. Лотмана о высокой аксиологической ценности «чужого» как будущего): «Осваивая... донские земли в двух направлениях..., казаки, минуя всю середину подконтрольной им территории, устраивают свой "центр" на самом краю, на границе с Турцией. Такова специфика психологии людей пограничья – стремиться к тому, чтобы быть собственно границей»⁵. Совершенно неслучайно поэтому донцы устраивают, например, неподалеку от Азова городок Стыдное имя – где осуществлялся суд по казачьему праву, принимались одно время другие, важные для Войска решения. Суждение специалиста можно дополнить и, вероятно, уточнить. Фронтирное пространство Поля и оставалось таковым, потому что существовало *вне* (тут и далее выделено авт. – Д.С.) государственных границ. Казачество потому и отказывалось от многих норм поведения «метропольной» культуры, что фронт освобождал от обязательных норм поведения, границ социального, установленного государством.

Более того, справедливо пишет А.Рибер, в реальности пограничные линии (социальные или территориальные) склонны быть скорее пористыми, чем непроницаемыми. Оказывается, что кочевники, паломники, мигранты, разбойники и т. п. группы пересекают границу как новообращенные верующие, эмигранты и классовые перебежчики⁶. Казачество Дона вполне может быть отнесено к таким же группам, для которых более актуально преодоление «границы» миров – как на ментальном (сакральном), так и на профаном, реальном уровне – чем ее, во многом воображаемой границы, искусственное моделирование и, вероятно, поддержание. Другое дело, что наличие фронта вовсе не отрицает *напряжения*, которое присутствовало среди пересекавших пределы, например, крымской стороны Дона и устремлявшихся в Азов, на Кубань. Поэтому одна из насущных задач тематических перспективных исследований – изучение тех дискурсов (функционировавших в среде элит, тум-«полукровок», нарушителей войскового права), которые влияли на многообразие практик общения донских казаков с «мусульманским миром». К слову сказать, есть сведения, что Савелий Пахомов – лидер «старых» кубанских казаков – как раз был тумой и «прежде сего (до

1694 г. – Д.С.) живал в городке на устье Хопра»⁷. Такой ряд, вероятно, можно продолжить – еще одного крупного предводителя казаков – Л. Маноцкого – донцы именуют в песнях тумой⁸.

Торговля с Азовом, рыбная ловля и т.п. занятия прочно связывали донских казаков с жителями Азова – в эту турецкую крепость донские казаки старались попасть всеми правдами и неправдами⁹; при этом важно подчеркнуть, что казаки, нуждаясь в рыбе, договариваясь с азовскими турками об условиях рыбного лова в регионе¹⁰. Б. Боук справедливо пишет об односторонности такого подхода, при котором ученые отдают явное предпочтение тем явлениям экономики, которые были связаны с Русью (жалование, торговля хлебом), хотя при всей скудости источников есть основания считать, «что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением»¹¹. Образ дипломатического партнера, обладателя информации, важной для Войска Донского, также присутствует в образах Азова, имевших первостепенное значение для казаков. Так, еще в 1655 г. актуальным было свидетельство о том, что «у донских де казаков с азовцы мир... а замирено де... на том, что им друг другу про всякие вести сказывать»; при этом любопытно отметить, что на тот момент стороны временно находились в ссоре – оказалось, что, несмотря на предоставление азовцами «турских» и «крымских» вестей казаки перестали туркам, например, о содержании грамот, присылаемых на Дон¹². Каналы информации, подчеркну, проникали не только скажем, в сообщество «городовых азовских людей», но и выходили на уровень азовского бея¹³, уточняясь и перепроверяясь. Конечно, об идеализации отношений говорить не приходится – в 1650-х гг. донцы вновь (и безуспешно!) пытаются взять штурмом крепость Азов, незадолго до того вновь отстроенную турками.

И все же Азов (мечта об Азове¹⁴) занимал ключевое место в тех образах воображаемой географии мира казаков, которые были связаны с «границей миров», являясь местом притягательным и опасным одновременно, центром, подчеркивающим напряжение существования казачества на границе Дикого поля, манящим своими богатствами и пугающим своей мощью. Еще в 1551 г. русский посол, отправленный к ногайцам, сообщал о содержании письма турецкого султана к ногайскому Самаил мирзе, «в котором султан... указывал, что "рука" царя Ивана "над бусурманы высока... Поле де все да и реки у меня поотымал... поотымал всю волю в Озове: казаки его с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут»¹⁵. Азов являлся для турок вековой опорой их владычества в Северо-Восточном Причерноморье, одновременно – центром одноименного санджака, т.е. частью административно-территориальной системы Османской империи. Его потеря в конце XVII в. лишила Турцию «важнейшего, если не ключевого пункта в Северо-Восточном Причерноморье, обеспечивавшего связь османской метрополии и Крыма с Северо-Западным Кавказом»¹⁶. Исследователи отмечают, что как раз после утраты Азова на севере Черного моря стала развиваться вторая линия обороны империи, включавшая в себя крепости Тамань, Темрюк, Керчь, Озю¹⁷. Стоит также добавить, что именно из Азова направлялись многие масштабные акции татар и турок против южных окраин России, сюда же, на богатейший невольничий рынок, свозили полон. Весьма точно и образно характеризовали значение Азова в 1644 г. донские казаки: «А ис Крыму... воинские люди и Черкесы Темрюцкие и Ногайцы съезды и скопы у них все в Азове бывають, а из Азова... оне с Азовским людьми большим собраньем на Русь, на твои государевы отчины... и под наши казачьи городки, а с Руси... с полоном и з животиною все оне в Азов приводят»¹⁸. Еще одна любопытная деталь, пусть и отраженная в т.н. «легендарной переписке»: русский посол Андрей Шеин, якобы отправленный «с товарищами» в Стамбул И. Грозным, именует Топраков (Топрак-калу) – важную

составляющую единой системы укреплений Азовской крепости – «любимым градом» султана¹⁹.

Отдельные случаи бегства казаков в Азов и Крым, конечно, имели место еще до того, как азовский бей станет привечать казаков Кубани в конце XVII в. Так, в декабре 1654 г. в Воронеже били челом «...Алексею Михайловичю всеа Великие и Малыя Росии самодержцу, а мне (воронежскому воеводе. – Д.С.), холопу твоему, в съезжей избе извещали словесно донских козаков отоман Лукьян Фомин да есоул Григорей Григорьев до козаки Кирей Петров, Василей Ус с товарищи, а скозали: в прошлом де, государь, году, тому ныне пятой год, изменил де тебе, государю, донской козак Денискою де зовут, а прозвища де ему не знают, – из Войска от данских козаков перекинулся де он, Дениско, в Озов и босурманился, и заодно де он с азовскими тотары донских козаков воевали, и на реке де, государь, на Дону в переседех бывал и под козачьи де городки войною хаживал и дорогу держивал...»²⁰. Несомненно, что одним из первостепенных центров для донских казаков, влиявшим на расширение уровня и объема практик их взаимодействия с «мусульманским миром», например, в XVII в., являлся именно Азов – форпост османского владычества в регионе. В конце XVII в. сюда продолжают перебегать отдельные казаки с Дона, которые принимают мусульманство, получая при этом в среде бывших единоверцев уничижительное прозвище «ахриян». Нельзя также не вспомнить об эпизоде с вылазкой из Азова к русским позициям одного «охреяна», посланного турками для проверки слов перебежчика в Азов в июле 1695 г. Назвавшись казаком, он все осмотрел и вернулся в Азов²¹.

К началу XVIII в. число таких поступков донцов могло только возрастать. Ниже разберем случай, имеющий отношение к содержанию такого утверждения. В середине июня 1708 г. бригадир Ф.В. Шидловский получил от донских казаков сведения о приходе к Булавину «кубанской орды 2000 человек, да их донских раскольщиков с Кубану и с Орокани 1100 человек»²², что происходило в период подготовки штурма повстанцами Азова. Приход этих сил выглядит вполне естественной реакцией ногайцев и казаков Кубани на стремление Булавина наладить связи со всеми антиросийскими силами в регионе. В свое время автор указал на данный эпизод прихода ногайцев и казаков как на часть истории кубано-донских связей²³, что, в свою очередь, вызвало скепсис со стороны О.Г. Усенко. Ученый посчитал «парадоксальным» указанное свидетельство, отвергая его на том основании, что никто из очевидцев не видел в числе осаждавших Черкасск представителей групп с Кубани²⁴. Вероятно, на том же основании можно опровергать многие другие факты, что, конечно, является не менее «парадоксальным» способом уточнения реальности (совершенности) исторических событий. *В данном, подчеркну, случае, мы располагаем основаниями для определения причинно-следственной связи между непреложным фактом установочного посылы со стороны Булавина – «я жду помощь» – и неслучайным свидетельством о приходе именно к Булавину крупной вооруженной группировки с Кубани.* Напомню, все это происходит в тот момент, когда атаман и повстанцы готовятся к штурму Азова. Конечно, вопрос об участии сторонних сил в штурме Черкасска не менее дискуссионен, но сейчас остановлюсь на «азовской» составляющей известий о ногайцах и казаках. Итак, определенное подтверждение авторской точке зрения находим еще в известии турецкого Анонима начала XVIII в. Оказывается, этот сторонний наблюдатель оперировал весьма обширными данными о Булавином восстании; ему были знакомы такие «мелкие» детали как имя Некрасова – Инад (Игнат), подробности штурма Азова²⁵.

Убедительное подтверждение историчности сведений Анонима (указывающего, в частности, на хитрость казаков из Азова, решивших обмануть булавиновцев), находим в

капитальном издании документов «Булавинское восстание». Выдумывать турку такой изощренный эпизод борьбы за Азов, считаю, было незачем. Итак, казак-запорожец Т.И. Верховир, как очевидец событий, показал в канцелярии кн. В.В. Долгорукого, что перед штурмом крепости «из Озова были в Черкасском переметчиков человек з 20 тумов («тума» – «полукровка». – Д.С.) и говорили, чтоб они пришли к Озову и они де Озов здадут (выделено мной. – Д.С.). И как де оне пришли к Озову, и те переметчики пошли с ним и стояли под Озовом сутки. И из Озова де выходили к ним озовские жители и з донскими казаками меж себя говорили, а что говорили, того де он не знает, стоя долече»²⁶. А вот как этот же эпизод представлен в трактовке Анонима: «Кзаки, находившиеся в крепости Азак, вступили на путь хитрости и, послав человека, сообщили тем (булавицам. – Д.С.): "Если вы захотите, мы покоримся вам, откроем ворота и передадим вам крепость". Пулавина (Булавин. – Д.С.), приняв за истину все их ответы, сам остался в Черкескермане, а во главе казацких войск был поставлен казак по имени Инад... и направлен к Азаку. <...> Хитрое намерение казаков, которые сидели в Азаке, состояло в том, чтобы сломить [нападавших] своим обычным маневром»²⁷.

Печальным стал для повстанцев итог всех этих «странных» событий – их ждало сокрушительное поражение. Так или иначе, но весьма проблематично отрицать несомненную близость обеих трактовок, что в числе прочих аргументов добавляет доверия к труду Анонима. Любопытно свидетельство Анонима о казаках из Азова – надо думать, как «ахриянах», так и «тумах», прибывающих туда с Дона, например, еще в сер. XVII в.; это все – к вопросу о формах практик преодоления донскими казаками «границы миров» и освоения смежных с Полем пространств²⁸. Поэтому в конце XVII в. донские казаки продолжают свои «азовские практики» неслучайно – Азов избирается ими сознательно и по традиции в качестве высокостатусного места, маркирующего переход фронтальной зоны. Так, из показаний кубанского казака Д. Башмака, пойманного, пойманного и допрошенного в 1694 г., следует, что во время событий раскола на Дону (примерно в 1690 г.), покинув семью, «пошел в Озов один... и явился озовскому бею Темеше. И жил у него во дворе месяца с два»²⁹. Любопытно, что адаптация не потребовала от казака перехода в мусульманство, хотя черты культурного антиповедения налицо – в посты, а также в среду и пятницу – «по их босурманской обыкности» – Башмак стал есть мясо. Сказанное, впрочем, не значит, что нарушение Башмаком пищевого запрета – уникальный случай – в сборнике «Булавинское восстание» (М., 1935) нам встречались примеры подобного поведения со стороны повстанцев. Впоследствии бей отправил Башмака на Кубань к таким же «воровским казакам и расколщикам», которые «по нем поручились». Как оказалось потом, Башмак с остальными казаками, подданными хана, стал беспрепятственно и «почасту» ездить с Кубани в Азов и обратно. Другой казак, М. Тарасенко, показал в 1694 г., что также после своего прихода на Кубань оказался в Азове – «и в Озове жил у терченина»³⁰. Переход вызвал смену имени – Юсупка, принятие мусульманства, хотя и без совершения процедуры обрезания; любопытно при этом, что указанные «новации» воспоследовали не на Кубани, где какое-то время он жил среди казаков-«расколщиков», а именно в Азове.

Примечательно также, что азовский бей лично содействует мерам по адаптации казаков на Кубани и в Азове, привлечению их к реализации военных и т. п. замыслов, поощряет их, а в ряде случаев – не спешит чересчур сурово наказывать. Подчеркну, что здесь наблюдается системный подход – те же меры азовский меры применял еще к казакам Кумы и Аграхани, привлекая их к набегам; по итогам которых казаки получая добычу, включая полон, продавая его в том же Азове³¹. Так, известнейшие вожди кавказских казаков – П. Мурзенко и Л. Маноцкий «отметились» в совместном набеге с

азовцами в 1691 г., захватив в плен 1 тысячу человек. Примечательно, что администрация турецкого Азова получает сведения о кумских и аграханских казаках *еще до* событий, связанных с их переходом на Кубань в начале 1690-х гг. Едва ли не самый примечательный коммуникационный акт произошел в 1689 г. на Дону, где кумские казаки столкнулись с группировкой «азовского бея». Здесь можно сказать, что отношения между казаками Кумы/Аграхани и донцами складывались непросто, недоверие было взаимным, конфликты – частыми и кровопролитными³², несмотря на отдельные случаи возвращения «изменников» на Дон. А тогда, в год 2-го Азовского похода, кумские казаки вновь решили обрушиться на донские городки – полагаю, что в основе мероприятия лежали основания иного порядка, нежели желание обогатиться материально. Попутно кумские казаки решали проблему увода с Дона членов своих семей.

Во время встрече с казаками азовский бей потребовал от них «присяги в том, что они возвратятся на Куму и будут служить верно крымскому хану против врагов его, и они беспрекословно дали ему в том клятву»³³. Показательно, что сами казаки *просили* бея донести хану Селим-Гирею о том, что они суть – крымскоподданные и что в дальнейшем не перестанут разорять жилища своих неприятелей – донских казаков. Здесь же отмечу, что при бее находился «крымский царевич», подтвердивший лояльность казаков. Нельзя не сказать и о том, что наращивание коммуникационных связей между ханами и казаками-«изменниками» происходит еще *до* складывания кумской и аграханской общин. Так, по показаниям бывшего крымского пленника И. Глистина (1689 г.), в ханском войске было несколько казаков, за год до того бежавших с Дона в Крым и там «обусурманившихся»³⁴. В ответ на предложение В. Голицына выдать беглецов хан отказался – мотивация отказа определялась тем, что казаки приняли магометанство «и оттого им стало сытно». Впоследствии ожидания и намерения обеих сторон подтверждаются в больших масштабах: приход на Кубань с Восточного Кавказа (1690-е гг.) одновременно и группами, казаки «били челом крымскому хану, чтобы их принял к себе в холопство. И крымской хан принял их... с великою любовью и велел им жить... Казыева улусу татарам (район междуречья Кубани и Лабы, где они кочевали. – Д.С.). И впред... казаки ожидают к себе приходу на жительство на Дону многих казаков»³⁵. Исход на Кубань, обращаю внимание, носил в значительной степени семейный характер, знаменуя качественные изменения в восприятии казаками-старообрядцами земель Крымского ханства уже как «нормальных», а не «богопротивных».

Крайне показательное событие произошло в начале 1690-х гг., когда по приказу (?) хана именно азовский бей прислал на Кубань азовского татарина Кубек-агу «для береженья тех росколщиков» от ногайских и иных «орд»³⁶. Обращает на себя внимание хронология событий – казаки, почти полностью разгромленные на р. Сунже, пришли на Кубань осенью 1692 г., а в апреле уже ожидался приход к казакам Кубек-аги: «Да к тем же казаком будет на Кубань реку на жительство из Азова азовской Кубек-ага со всем своим кочевьем»³⁷. Имя этого аги («старшины» для казаков) множество раз встречается в документах – в контексте истории казаков Кубани, как человека влиятельного и порой злоупотреблявшего своими полномочиями. И все же – чаще всего стороны выступали вместе: так, в 1693 г. были получены сведения о готовящемся нападении кубанских казаков на рыбные ватаги р. Волги, «а с ними идет Кубек ага, потому что дана де ему... власть от крымского хана над ними правителем быть и городок им на Кубане построил»³⁸. Ага весомо помог казакам в постройке городка (междуречье Кубани и Лабы), владея информацией, кстати, о том, какой это могло иметь резонанс среди донских казаков, также намеревавшихся оставить Дон³⁹ и перейти в подданство к ханам.

Порой группы казаков, азовских татар и ногайцев объединялись в крупные отряды, когда, например, до 150 таких человек около 1692 г. «били под Маяцкой», взяв в полон 17 человек. Вскоре пострадал в том же районе (Северский Донец) и г. Тор. Случалось и так, что ватаги собирали сами казаки; например, так сделал Д. Башмак в 1694 г., собрав «росколщиков» Левку Степанова, Савостку Иванова, Игнашку Шлепина, Максимку Белоусова, Фетку Горбуна, Максимку Горажанова (в соединении с 23 татарами), «пошли было для войны под украинные города». С Кубани же, как заявляли сами казаки, тоже «ходить для воровства сподобно», причем не стоит переоценивать степень самостоятельности такого рода действий, т. к. даже сторонним наблюдателям был вполне ясно, что казаки шли к хану в «холопство».

В ряде случаев именно азовский паша инициировал организацию набегов и т. п. акций – например, свой «лист» он отправил на Кубань весной 1697 г. Тогда отправились под «государевы города» для взятия «языков» отправились не только кубанцы, но и 13 кубанских казаков⁴⁰. Использовали крымцы с азовцами и великолепное знание казаками топографии донских и иных земель: «И ходят они ватажным агами с крымскими и с озовскими татарами для войны великих государей под украинные города». Л. Маноцкий, например, был «вожем» во время нападения на г. Маяцкий (Северский Донец), а Д. Башмак выступил в том качестве, когда азовцы двинулись под донской Митякинский городок. Подчеркну, что часть казаков проживала в Азове постоянно, либо Азов выступал в качестве удобной перевалочной базы – с Кубани⁴¹ в походы и обратно, уже после таковых – на Кубань. Тут же – к вопросу о времени преодоления пути до Азова, что можно рассмотреть в числе других оснований, влиявших на повседневную жизнь казаков, насыщенную проявлениями воинской культуры. Итак, кубанский казак свидетельствовал, что от Азова до Кубани, где кочует Кубек-ага и живут «раскольщики» – пять дней сухого пути⁴².

Один небольшой список казаков, содержащий в числе других аналогичных свидетельств сведения об антропонимии казаков, их происхождении, позволю привести: «...донской казак с реки Медведицы Савка Пахомов, да разбойник, которой розбивал по Волги, Афонка Обрамов, донские казаки с городка Голубые Якушка Горожанов, с Михалева городка Васка Мануйлов и с Строи... на (Сиротина? – Д.С.) городка Давыдка Лукьянов. А иные де... *которые живут на Кубани и в Озове* (выделено нами. – Д.С.) по имени он, Левка... не упомнит»⁴³. Добавлю, что в Азове казаки чувствовали себя достаточно вольготно, позволяя себе бравировать, общаясь с «российскими» донскими казакам: «... будучи в Азове, говорили им, казаком, что де пойдут они еще доставать Черный Яр, а с ними в том походе... идут многия ногайския мурзы...»⁴⁴. Помимо искусства конской езды, казаки демонстрируют давние традиции переправки на далекие сухопутные расстояния лодок, чтоб затем применить и их по назначению. Так случилось в 1694 г. (эпизод с отбитием донцами в степи у кубанских казаков лодок на колесах, направляемых в сторону Волги) и позже, в 1697 г., когда 13 казаков в составе группы Кубек-аги везли с собой лодку, отправившись с Кубани для взятия «языков». Интересен и сюжет с участием неизвестного пока «кубанского паши», использовавшего татар «для возмущения на Кубань» донских казаков – описанный случай произошел осенью 1709 г., когда на Кубань сумели уйти до 40 казаков с женами и детьми, жители Кобылинского городка⁴⁵, при помощи кубанских же казаков, пригнавших им табун лошадей. Уточнения трактовки сюжета, конечно, необходимы (к примеру, идет ли речь о паше Тамани, Ачучева, либо титул был неправильно истолкован переводчиком расспросных речей татар). Однако уже сейчас невозможно отрицать факт системной поддержки казаков не только Гиреями, но и высшими чинами турецкой администрации, а вскоре, как окажется, и Османями.

Были случаи, когда из Азова казаки решали бежать, преследуя, правда, своекорыстные интересы, а не спасаясь от преследований турок. Так, уже известный Д. Башмак, сговорившись с такими же казаками, жившими в Азове, задумал отогнать в Черкасск конский табун. Замысел был раскрыт, товарищи Башмака сумели от погони уйти, а сам Башмак, проплутав какое-то время, принес повинную азовскому бею и был посажен в местную тюрьму⁴⁶. Итог истории, считаю, оказался закономерен – приехавший в Азов Кубек-ага взял казака «на поруки», и Башмак обрел волю, вновь сделавшись участником набегов. Уместно сказать и о том, что лояльность казаков по отношению к Азову и Гиреям подкреплялась основаниями финансового свойства. Так, у нас имеется ценное свидетельство казака Л. Степанова о том, что казакам-«рускольщикам», живущим на Кубани, «давает... в Азове у бея и в Крыму у хана жалованья»⁴⁷.

Имелось и другое важное основание, о котором нельзя не упомянуть: поддержка турками и ханами стремления казаков наладить удовлетворение религиозных запросов. Так, в начале 1690-х гг. в турецкий Азов прибыла с Кубани удивительная на первый взгляд группа, представленная казаками – казаками крымского хана Селим-Гирея б. Бахадур-Гирея, уже не первый год проживавшими в этой части владений Гиреев⁴⁸. Ходатаи били тогда челом азовскому бею, чтобы тот дал им «рускаго попа»⁴⁹. Любопытен характер отрицательной реакции высокого чина турецкой администрации – оказывается, в его распоряжении всего лишь не оказалось тогда нужного казакам священника, и речь в целом не шла о негативном отношении к просьбе «кяфиров». К слову сказать, согласно данным за 1697 г. среди кубанских казаков находился «поп белой» с Медведицы, «да чернецов члвк з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому»⁵⁰. А в 1702 г. казаки, проживавшие тогда в Копыле, отправили от себя через Крым на Северский Донец (приток Дона) «восм человек казаков к росколщику Авилу для взятъя ево к себе в городок и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжий лист»⁵¹. Примечательно, что ни тогда, ни позже казаки нимало не смущались обращаться с подобного рода просьбами к своим верховным сюзеренам – крымским ханам, почти без исключений находя при этом действительную поддержку.

Таким образом, и в сфере ожиданий, связанных с религиозными аспектами адаптации, ослабления именно такого предметного поля психической напряженности у казаков, мы находим основания для полагания – турецкий Азов проводил типологически ту же линию, что и Гирей, способствуя дальнейшей *системной* социальной адаптации казаков Крымского ханства. Обобщая промежуточные выводы, скажу, что на примере истории указанных казачьих сообществ великолепно иллюстрируется мысль крупного ученого Ф. Барта о том, что, меняя идентичность (например, по основаниям подданства) «человек может, делая ровно то же самое, получить гораздо более высокий результат, измеряемый по иной, становящейся в этом случае релевантной шкале»⁵². Турецкому Азову принадлежала важная роль в *актуализации* казаками своего *разрыва* с Доном по целому ряду качественных оснований. Турки не просто *временно* поддержали «царских изменников», но оказались готовы к системным формам поддержки казаков, развивая их на всем протяжении XVIII в.

¹ Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. №4; Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. – Тверь, 2000. – Вып. 2.

- ² *Сень Д.В.* «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.) // «Казачество России: прошлое и настоящее»: Сб. науч. ст. Ростов на/Д., 2008. – Вып.2; *Он же.* Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII – начале XVIII в.: к вопросу о новых практиках освоения пространства и преодоления «границы миров» (на примере казачьих сообществ) // Славянские форумы и проблемы славяноведения: Сб. ст. / Отв. ред. М.Ю. Досталь, И.В. Крючков. – М.: Ставрополь, 2008; *Он же.* «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно...»: из истории начального освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. – М., 2008. – Т. 5.
- ³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. – Д. 2. – Л. 4.
- ⁴ *Боук Б.М.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Мат-лы науч. конф. – Краснодар, 2001.
- ⁵ *Рыблова М.А.* Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, С.24.
- ⁶ *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст (Б-ка ж-ла «Ab imregio»). – Казань, 2004. С. 199.
- ⁷ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 177.
- ⁸ *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов на /Д., 1998. – С. 442.
- ⁹ *Перепечева Л.Б.* Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX в.) // Очерки по истории Азова. Азов, 1995. – Вып. 3. – С. 56.
- ¹⁰ *Боук Б.* Фронтир или пограничье... С. 152.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Донские дела. – СПб., 1913. – Кн. 4. – Стлб. 948.
- ¹³ Там же. – Стлб. 442.
- ¹⁴ *Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 447.
- ¹⁵ *Робинсон А.Н.* Повести об Азовском взятии и осадном сидении // В кн.: Воинские повести Древней Руси / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. – М.:Л., 1949. – С.173–174.
- ¹⁶ *Приймак Ю.В.* Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2000. – С. 107.
- ¹⁷ *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – М., 1984. – С.5.
- ¹⁸ Донские дела. – СПб., 1906. – Кн. 2. – Стлб. 915.
- ¹⁹ Отдел рукописей РНБ. – Ф. 905. – Д. Q-354. – Л. 133 об.
- ²⁰ РГАДА. – Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. – Стлб. 401. – Л. 58.
- ²¹ *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. – СПб, 1858. – Т. 2. – С. 236; *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. – М., 2002. – С. 152.
- ²² Там же. – С. 275.
- ²³ *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... – С. 26.
- ²⁴ *Усенко О.Г.* Рецензия на монографию Д. В. Сень «"Войско Кубанское Игнатово Кавказское": исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.)». 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002 // Клио. Журнал для ученых. – СПб., 2003. – С. 241.
- ²⁵ *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII века // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. – Ч. 2. – С.128–129 и др.
- ²⁶ Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Труды историко-археографического института Академии наук СССР. – М., 1935. – Т. XII. – С. 297.
- ²⁷ *Весела З.* Указ. соч. – С. 129.
- ²⁸ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII в. – XVIII в.: практики взаимоотношений фронтальных сообществ с мусульманскими государствами Причерноморья (в контексте задач и перспектив изучения международных отношений в регионе) // «Кавказ в

- российской политике: история и современность»: Мат-лы межд. науч. конф (г. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16–17 мая 2006 г.). – М., 2007.
- ²⁹ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 176.
- ³⁰ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 121.
- ³¹ РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1691 г. – Д. 1. – Л. 2.
- ³² РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1691 г. – Д. 1. – Л. 2; Там же. 1691 г. – Д. 3. – Л. 50; Там же. 1694 г. – Д. 4. – Л. 6.
- ³³ Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. – Ростов на/Д., 2001. – С. 353.
- ³⁴ Бережков М. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 360.
- ³⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб. ИИ РАН). – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12348. – Л. 1.
- ³⁶ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 178.
- ³⁷ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12348. – Л. 1–2.
- ³⁸ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12364. – Л. 2.
- ³⁹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12449. – Л. 1.
- ⁴⁰ РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1697 г. – Д. 9. – Л. 7.
- ⁴¹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12366. – Л. 1.
- ⁴² РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 179.
- ⁴³ Данные за 1694 г. См.: РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 126.
- ⁴⁴ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 12364. – Л. 2.
- ⁴⁵ РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. 1709 г. – Д. 1. – Л. 1, 10 об. и др.
- ⁴⁶ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 181.
- ⁴⁷ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 126.
- ⁴⁸ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. – Тверь, 2000. – Вып. 2. Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. – 2001. – № 4.
- ⁴⁹ РГАДА. – Ф. 210. Белгородский стол. – Стлб. 1406. – Л. 178.
- ⁵⁰ РГАДА. – Ф. 119. 1697 г. – Д. 9. – Л. 8.
- ⁵¹ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества... – С. 74.
- ⁵² Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. – М., 2006. – С. 30.